

Александр Воронин

«Метаморфей»

стихотворения

Петрозаводск, «Файн Лайн», 1997. – 40 с.

Тираж 1000 экз.

Редактор Т.Г. Душина

На 1-й странице обложки – литография Мориса Эшера (1898-1972)

Во мне миллионы Вселенных.
Они – как цветы на полянах.
А в них миллион переменных
и столько же постоянных.
Мерцают шары и спирали
в предчувствии первопроходца,
который сиянье Грааля

найдет и обратно вернется.
Себя вдохновил я на поиск,
и духом открытая дверца
ведет за евклидовый пояс,
защелкнутый в области сердца.

сентябрь-94

Итак, приходит час платить долги
и мышцы крыльев рвать попыткой взлета,
чтоб в небеса ворваться с разворота
и врезать в них навек свои круги.
Могу взлететь над миром без труда,
познал я восходящее скольжение,
но держат не земное притяжение,
не страх упасть и не мои года.
Я слишком много должен на земле
тому, кто в небесах не приживется,
тому, кто обязательно сорвется,
не удержавшись на моем крыле.
Тому, кто опечаленно умолк,
почувствовав, что он меня теряет.
Но ввысь меня стремиться заставляет
иной, необъяснимый словом долг.
Однако прежде заплачу долги.
Но, признавая правильность расчета,
мне не простят саму попытку взлета,
как ни смешно, – друзья, а не враги.

январь-91

Жаждет галопа лихого коня,
в даль уходя, полевая дорога.
Если она – лишь до волчьего лога,
не отпускайте в поле меня.

Эльма святого огнями маня,
в море зовет Посейдона острога.
Коль своего не увижу порога,
не отпускайте в море меня.

В черную бездну ведет западня
сквозь паутину из адского смога.
Если любили меня хоть немного,
не отпускайте в пекло меня.

Тянется к краю проталина дня,
нервы щекочет близость итога.
Пусть до сих пор вы не верите в Бога,

лишь отпустите в небо меня.

январь-94

Незагаданный шаг переходит в полет.
В настоящий полет, не в падение с крыши.
Осязаемый воздух упасть не дает
и поет, увлекая все выше и выше.
Замирает душа, ощутив пустоту
под собой
и ничтожность оставленной дали,
и вбирают отважно глаза красоту
как одну из проекций смертельной печали.
Вздох: "Люблю!"
Выдох: "Нет!"
И мерцанье лампад,
зов друзей и врагов, отпевальные речи
остаются внизу, но обратно манят,
обещая трехмерное тело предтечи.
Вспоминая обманчиво верный большак,
приводящий в тупик за вторым поворотом,
понимаю, зачем незагаданный шаг
нам возможность дает насладиться полетом.

февраль-91

ПОЭТАМ

Не снимали одежды, когда отходили ко сну
в бесконечном угаре меняющей лики богемы,
и случайно, уже на излете, ловя новизну,
невеселые темы вводили в пустые гаремы.
И сводила с ума неприступно горячая боль
оттого, что пути искривляются волей чужою,
оттого, что сегодня отправиться может любой
в никуда, не узнав, что же люди называли душою.
И сводила с ума невозможность высокой любви,
потому что летали мы выше любого безумца,
и давно нанизали неверные чувства свои,
словно плоть, на холодную сталь неземного трезубца.
И сводила с ума безнадежность открытых забрал,
цирковая комичность любого, по сути, мгновенья,
ибо, если, отчаявшись, кто-то крыла убирал,
замеряли талант по воронке на месте паденья.

март-91

Запиши телефон, но не стоит звонить,

потому что на нитке повесилась осень.
Эту весть первый снег торопливо разносит,
но не может она никого удивить.
Смерть привычною стала, как ложь и измена.
Жизнь насквозь пропиталась зловонием тлена.
Запиши телефон, но не стоит звонить,
и на горле моем эта времени нить.

январь-91

Никто не заменит тебе надсознания,
никто не спасет утонченной души.
Вся жизнь - многократное колесование.
А смерть - заурядные фокусы лжи.
Бесстрастная жизнь не заменит спасения.
Жестокая смерть не заменит венца.
Однако хоть раз испытай воскресение,
воспримешь как благо возможность конца.
Прости человечество, друга и женщину.
А также – себя. И желай одного –
пред тем, как исчезнуть, собою увенчанным,
и Богу простить, что не слышал его.

январь-91

РАЙСКИЙ САД

Не пробуя вкусить запретные плоды,
веду деревьям счет в саду, который брошен.
Струятся сквозь меня флюиды пустоты,
стучится в сердце град серебряных горошин.
Подмяв стопой листву, опавшую весной,
подняв лицо, стою под одиноким деревом.
И боль его видна, и боль всему виной,
струится надо мной серебряным напевом.
Созревшие плоды никто из года в год
не рвет, боясь принять в себя чужое семя.
Но я решаюсь вдруг, срываю спелый плод
и пью смертельный сок – серебряное время.

март-91

Полночный свет –
его как будто нет,
но он в окно сочится как истома
измаянного неба. На стене
сияет контур лунного излома,
а мой излом темнеет на луне.

Полночный свет
ложится на паркет,
волшебным бликом оживляет вещи,
забывшиеся беспробудным сном.
Луна, как рыба, в черном море плещет,
раскинувшимся над моим окном.

Полночный свет –
серебряная сеть,
которая пришла ко мне с уловом.
Но я не протянул к добыче рук,
и постепенно поднебесный звук
наполнил душу долгожданным словом.

март-91

На освещенный переулок смотрю - и падает фонарь,
воспламеняя снег. Пространство перетекает в пустоту,
а в пламени остервенелом, как спичка корчится январь,
и белые зрачки чернеют. За переулком на мосту,
неразличим в полотнах ветра, забытый временем на днях,
стоит собор. Распространяясь, огонь ползет к нему, дома
впадают в суеверный ужас и зажимают крик в дверях,
который должен быть услышан собором. Я схожу с ума,
но не могу помочь, и в липком неостывающем огне
вдруг начинаю растворяться и превращаться в новый дом,
перегораживая телом горящий переулок. Мне
не удастся даже крикнуть. И лишь глаза сомкнув с трудом,
гашу прожорливое пламя, и возвращается назад
пространство, забирает время собор с собою, фонаря
оплавленную в пекле стойку приподнимает ветер. Над
мерцает пара звезд зрачками перекидного января.

январь-91

Я уехал из города, где
те, что были, были не те.
Но и те были там и простили,
что не тот, и на том спасибо,
и теперь в моем жизненном стиле -
темпоритмы видеоклипа.
Поезд, покер, пивбар, парадиз,
гранки, гости, гитара, карниз,
дама, дом, оживающий ночью,
мастерская художника, прочее.
Все в дыму сигаретном, и в нем
вероятна любая случайность.
Сам случаен я в мире своем

и бросаюсь из крайности в крайность.
Это будет два века подряд.
Это будет два дня, а потом
вновь два века. И пусть говорят,
что хотят, и навряд ли о том.

октябрь-90

Ежеминутно белкой в колесе
кручу турбину одностипных дней.
Достойны счастья все, судьбы - не все.
Но если есть она, что делать с ней?

Счастливыцы - не владевшие судьбой,
поладившие с миром и собой,
смирившие в душе своей желанье
своим законом мерить каждый час.
Им избежать растленья и закланья,
депрессии нейронов, слов и глаз.

Не знать им изнуряющего дара -
жить параллельно в тысяче миров.
Их жизни однострунная гитара
поет не душу - симбиоз полов.

Но кто судьбу имеет - не похерь,
не разменяй на телек и капусту!
В пивной я снова вижу Заратустру.
Он ждет меня, и я толкаю дверь.

октябрь-90

Не все тебе ловить лучи
скупого солнца на восходе
и в пламени чужой свечи
мечтать о смерти как свободе.
Не все тебе стремиться прочь,
открыв предназначенье боли,
идти, опережая ночь,
и освещать углы юдоли.
Дай рядом встать - плечом к плечу,
когда кончается дорога,
но только не гаси свечу,
с чужого уходя порога.
В ее трепещущем огне
и я задумаюсь о вечном,
и пусть слезу прольет по мне,
как будто о последнем встречном.
С рассветом я уйду в зенит,

но мысль ревнивая догонит,
что до сих пор она горит,
но плачет не в мои ладони.

ноябрь-88

Я ночами не сплю.
Эти ночи, как черный янтарь, поглотили тебя.
Я ночами не сплю,
открывая закон равноденствия глаз.
Я ночами не сплю
и пытаюсь тоску задушить
сигаретного дыма петлей.

Я ночами не сплю,
признаваясь себе, что бессилён сложить
в одно целое нас.
Я ночами не сплю,
привязав тишину, как собаку, к ноге.
Я ночами не сплю
и на видео памяти ставлю кассеты с тобой.

Я ночами не сплю,
и мечта вместо сладости горечь рождает в душе.
Я ночами не сплю,
понимая, что время - бездарнейший врач.
Я ночами не сплю,
и надежда моя хочет жить несмотря ни на что.

Я ночами не сплю,
потому что так ближе к тебе.

апрель-89

В глазах у нее я не вижу провала
крутого, без дна, без надежды.
Они отражают, как будто зеркала,
весь мир симпатично безгрешным.
Но там, за оградой коричневой тени,
вращается эллипс распада,
раскрученный сонмом напрасных рождений,
наполненный смыслом заката.
И напрочь отсутствует точка покоя,
и кажется цельною сфера.
Как дымкой, она истекает тоскою
в раскрытую пасть Люцифера.
Не знал, что за мною не тянется следа,
все глубже в зрачки погружаясь:
за плоскостью истины в плоскости бреда

я демоном там отражаюсь.

январь-90

МАЛЕНЬКАЯ ЛЕДИ

Трогаю рукою зеркала поверхность,
Медленно сквозь пальцы проступает кровь.
Серебро сегодня воспеваает верность,
наполняет рамку ужасом любовь.
Крашенные вишни на простом фаянсе
отражают глянец язычки свечей,
маленькую леди в низком реверансе,
маленькую мушку на ее плече.

Под холодным сводом ледяного замка
к пиршеству накрыты длинные столы.
Древнюю невинность пропивает самка
и себя щекочет кончиком стрелы.
Здесь гостей не будет, гости были б в трансе,
гости бы бежали от таких ночей.
Будет только леди в низком реверансе,
маленькая леди с мушкой на плече.

А потом с собою мрачно, как в застенок,
маленькую леди самка поведет
в мраморную спальню, где висят на стенах
зеркала и стрелы, а на окнах - лед.
И хозяйка замка ничего не скажет,
но, устав томиться в шелке и парче,
сбросит все одежды. И покорно ляжет
с нею рядом леди с мушкой на плече.

декабрь-93

Не все ли равно, как закончится завтрашний день,
и солнце уйдет восвояси каким переулком,
коль четки свои ты собрал не из этих недель
и бросил небрежно, но ловко не в эту шкатулку?
Ее увезли за моря на галере большой,
и кто-то купил на базаре шкатулку от скуки,
и ты каждый раз ощущаешь больною душой,
как четки ласкают чужие, нечистые руки.
Из новых недель ты похожую нить сотворишь,
напрасно надеясь, что это деянье зачтется.
Но боль не уйдет и, возможно, поэтому лишь
не все ли равно, как закончится день и начнется?

октябрь-91

Ксении

Ты варишь кофе для Вселенной.
Вселенная следит за газом.
И у нее болит колено.
И у нее синяк под глазом.
Она с землей сводила счета
и с небом. Только ты сегодня
простил ей поздние полеты
и приземленья в подворотнях.
Поскольку краткий миг свободы
тебе потребовался тоже,
косые лестничные своды
теперь пройти ты с нею сможешь.
На крыше станет беспросветней,
и ночи черная шкатулка
проглотит ваш полет последний
бездонной пастью переулка.

ноябрь-90

Не уследил я тень, застыв в полночной дреме,
слетевшего ко мне предвестника потерь.
Его багряный плащ мелькнул в дверном проеме,
и жутко за окном завыл какой-то зверь.
И пробежала дрожь волною леденящей,
пылающая кровь замерзла на бегу.
Я с болью ощутил, что я - ненастоящий,
до этих пор не жил, а дальше - не могу.
И понял также я с прозреньем запоздалым,
что был мне явлен знак, но я не уследил,
а, значит, не успел. И разумом усталым,
вплетаясь в связь времен, себя освободил.

август-91

Пробило мгновение смертного часа,
и тут же во мне, горизонт заслоня,
из темных глубин поднимается раса,
когда-то вскормившая кровью меня.
Их лица встают предо мною стеною,
их песни по жилам мне гонят мороз,
и бредят сердца их большою войною,
и бродят их кони по зеркалу рос.
Костры поднимаются в небо зловеще,
оно выгорает над ними дотла.
Луна закрывает лицо и трепещет,

но грудь ей пронзает навывлет стрела.
Я смят кровожадною дикой стихией,
и, видно, погас путеводный рубин:
душа заблудилась в небесном архиве,
и раса другая встает из глубин.
И снова костры полыхают, и снова
навывлет стрела пробивает луну.
Раскраска на бронзовой коже, как слово,
выводит на тропы большую войну.
По силам бы стало не трогать века мне,
свою первокровь бесконечно храня,
но сердце застыло на жертвенном камне,
и раса другая впустила меня...

сентябрь-91

"В этом мире я только прохожий..."
С. Есенин

В этом мире я только прохожий.
Эта истина мне не в новь.
Я опять ощущаю кожей,
как золою летит любовь.
Я иду, словно схимник, неспешен,
задевая кого-то плечом.
Даже если я снова грешен,
вы простите меня еще.
Оттого, что я только прохожий
и не знаю ваших примет,
я блуждаю, на призрак похожий,
в частоколе судеб и лет.
А недавно пропели музы,
и казалось, что здесь меня,
как и всех, привязали узы
к полынье одного огня.
Это, думал, всего дороже,
но взглянул мне в глаза изгой...
В этом мире я только прохожий,
путь мой тянется в мир другой.

февраль-90

Я думал, не пойму вовек природу,
но раннею весной, не помню дату,
увидел, как несет в себе свободу
ручей по галечному перекату.
Я впитывал картину с восхищеньем:
живые краски, замысел и звуки.
Чтоб сопричастным быть, играл с теченьем,

пока совсем не онемели руки.
Все спаяно гармонией и свято:
весна, слепящий диск на небосклоне,
вода на круглых зубьях переката
и я, дыханьем греющий ладони.

май-94

Полог ночи ложится на шпалы подобьем плаща,
перешитого наспех из света изнанкой наружу,
от перрона состав отрывая. Столица, прощай!
Пусть Господь сохранит и спасет твою грешную душу.
Ты уже не впадаешь в экстаз от монарших рулад,
и брусчатка на Красной сегодня не кажется красной,
но, столица, прощай! С кем угодно побьюсь об заклад,
что ты кажешься столь же чудовищной, сколько прекрасной.
Я к тебе, как и прежде симпатий своих не таю,
а величию рад, и по этой причине, наверно,
не вливаюсь пока в нездоровую душу твою,
чтоб ее не ослабить еще и своею каверной.

сентябрь-92

Может быть, пустоты не бывает в природе.
Если есть, то живет не вокруг, а во мне.
Не душа – коридор, сплошь больничного вроде,
с мертвой флорой в горшочках на каждой стене.
Разорвав тишину, кто-то в белом халате
с кислородною маскою вместо лица,
выясняет, в какой укрывают палате
добровольно не сдавшего кровь мертвеца.
И опять тишина. От гниющих растений
тошнотворного смрада стоит пелена.
Из нее появляются смутные тени –
поножовщина, стон. И опять тишина.
В полночь носятся всюду летучие мыши,
и сквозняк выдувает бесплотных гостей,
и тогда я ищу погребальные ниши,
чтобы ссыпать туда свежий прах новостей.
Заползает рассвет сквозь немытые стекла,
шею режет удавкою нитка от бус.
А последняя женщина ночью продрогла
и ушла...
Коридор бесконечен и пуст.

декабрь-90

Промчался гром над городом как "скорый",
стегая плетью молнии леса,
и в страшном ливне растворился город,
фундаментом втекая в небеса.
И сузилось, раздвинувшись, пространство,
стихию люди пили как вино,
и потому не возбранялось пьянство,
что стало рюмкой каждое окно.
Квартир гондолы плыли в океане,
смешавшем синь и зелень под волной.
Не свет в глаза, но молния в стакане.
Не Космосом, но истиной земной.
Прошла гроза и нас не затопила
сквозь двери, окна, прорези фрамуг.
Прошла гроза и небо уступила
не только мне, наверно, одному.

июль-91

Солнце почти не заходит. Ночи
белыми названы верно. Я
в свете их вижу, как время точит
сладкую внутренность бытия.
Белые ночи – среда, в которой
не успевают рождаться сны
и разлетаются мертвыми спорами,
не озаряя впадин глазных.
Белые ночи меня изводят,
развоплотив рассвет и закат,
белые ночи в каком-то роде
шизофренический видеоряд.
Кто-то за левым плечом бормочет:
«Ляг. Успокойся. Покайся. Усни.
Скоро закончатся белые ночи.
Скоро начнутся черные дни».

сентябрь-94, 2010

Я порою схожу с ума –
все не так и не то, хоть тресни.
Лета ждешь, а грянет зима.
Жизни ждешь, а смерть интересней.
С тем иные ищут рубежи,
веря – канувшее воскреснет.
И действительно, что наша жизнь,
если то, что за ней, интересней?!

сентябрь-89

Он не верил в прекрасное "завтра",
пил портвейн и курил "Беломор",
обожал Копеляна и Гафта
и читал потрясающий вздор.
Но куражится было бы пошло:
ключ к его необъятному лбу
похоронен в прокуренном прошлом
в неподъемном свинцовом гробу.
Если б Парка ткала по-иному
нить судьбы, избегая узлов,
он учил бы Ньютона биному
и ваял бы Мадонну с веслом.
Он бы, может быть, вспомнил о свете
как начале начал и нашел
откровенье в баптистском буклете,
иль с восторгом читал бы Ошо.
И поверил бы в вечную негу,
и не верил бы в вечное зло.
Но портвейн превращается в реку,
и уже утонуло весло.

декабрь-93

Меня снедает суета мирская.
Такой удел фатально неизбежен.
Зеленый месяц пальцами ласкаю,
который над дорогою подвешен.
Светильник тусклый не укажет брода
в потоке неосознанной печали.
Мою же люльку в нише небосвода
волхвы ночами долгими качали.
Она всегда была под сенью Бога,
но, лопнув меж Харибдой и Сциллой,
рассыпалась. Я выпал у порога
и до сих пор перешагнуть не в силах.

декабрь-93

Вы бывали пагубно бессильны?
Вы бывали муторно безвольны?
Если ваши души не стерильны,
вы поймете – это очень больно.
Это врытым быть в земле по шею,
а вокруг стервятников до черта!
Или – скальпель выдать брадобрею,
зная, что его манит аорта.
Это все равно что стать незрячим,

самой главной не создав картины.
Или же – желая жить иначе,
трепыхаться в центре паутины.
Или так – имея искру дара,
чтобы отковать подкову счастья,
размахнуться лихо для удара
и в последний миг сломать запястья.

апрель-94

Пусть даже совсем не предвидится шанса,
я выбраться должен из бездны молчанья,
чтоб праздновать век своего ренессанса
и, может, с какой-нибудь музой венчанье.
Я в этом провале давно на пределе,
поскольку, согласно анкете – не местный,
но дьявол, сидящий в учетном отделе,
сказал, что сбежать не удастся из бездны.
Что сам я примерился к этому месту,
транжиря талантливо время и силы,
к тому же, мне здесь подыскали невесту,
которая даже с косою красива.
Я спорить не стал, потому что из мрака
действительно выхода нет никакого.
И я промолчал, что осталась бумага,
и я утаил, что имеется слово.

август-94

Забавная и милая игра –
писать друзьям нетленные куплеты,
а между делом требовать – пора
поднять бокалы с жидкостью из Леты
и насладиться, оценив букет,
чтоб подтвердить иль опровергнуть слухи,
что, мол, с чужого голоса поэт
творит стихи – ему диктуют духи.
Но мы не духи, нет! И сам Зевес
нам освятил кагор из Черной речки,
и мы, с благословения небес,
плывем к Аиду на своей дощечке.

Друзья мои, я вам пишу как встарь,
сплошную чепуху и не скорбею,
что, уронив ведический букварь,
прихлопнул на дороге скарабея.
Весь пантеон языческих богов
нам шлет большой привет со дна стакана.
Целуют шею эллинских берегов

стрела славян, шнур скифского аркана.
Но мы не скифы, нет! И сам Перун
мне освятил коньяк и сигареты,
чтоб я под перебор волшебных струн
закончить смог нетленные куплеты.

декабрь-93

Все так же зверствуют морозы,
стары проблемы у Земли,
ну а с тобой метаморфозы
произошли.
Ты на богинь была похожа,
но сдуло грим на вираже,
и у меня мороз по коже,
и – по душе.
В обворожительности позы
притворства был апофеоз,
а впереди метаморфозы
метаморфоз.
Но я дарю тебе улыбку,
кудахтающий соловей,
и пусть сотрет мою ошибку
метаморфей.

декабрь-89

Игрушки видятся во всем –
в любви и гневe Бога,
в крестах, которые несем,
в причине некролога.
Вот степь, прошитая насквозь
шрапнелью иноверца,
вот гость игрушечный, вот гвоздь,
им вбитый прямо в сердце.
И забавляясь от души,
судьбу держа за нитки,
сбываю быстро за гроши
нехитрые пожитки.
И ухожу в безмолвный лес,
где есть моя опушка.
Я наигрался, я воскрес,
я сам теперь игрушка.

декабрь-89

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Ату его! Загнать поэта в угол!
На полуостров, может быть, Ямал.
Чтоб он людей не принимал за кукол,
а кукол за людей не принимал!
Ату его! Загнать поэта к вере
и к аналою приковать! Таким
он не полезет в петлю в "Англетере"
и не поедет пьянствовать в "Пекин".
Ату его! Загнать его к любви
и голову засунуть между ног,
и выпороть, чтоб с ручкой наготове
не пялился ночами в потолок!
Ату его! Загнать поэта к наде,
модальными глаголами иссечь,
чтоб он зарекся прославления ради
сердца людей глаголом мерзким жечь!
Ату его! Загнать поэта в стойло,
чтоб он потом не говорил в пивной,
что жить ему да и работать стоило
лишь для того, чтоб быть всему виной!

декабрь-93

Береза, а рядом ольха,
отмытые ливнем до блеска
от пыли и праха. Тиха
над ними глубокая синь.
И это приятно для глаз –
в них жизнь обозначена веско,
но мне не хватает сейчас
тревожной печали осин.

Я чувствую мир и живу,
наверно, на противоходе,
поскольку, глядясь в синеву,
я грежу обычно о том,
чего не случится со мной,
чего не бывает в природе,
а синь шелестит тишиной,
запнувшись на слове пустом.

Смыкаются все времена,
смыкаются с памятью грезы,
с блаженством – слепая вина,
и все – в этот миг и во мне.
И вот уж не тот окоем,
и нет ни ольхи, ни березы.
Запнувшись на слове своем,
теряюсь и я в тишине.

июнь-96